

СМОТРЕТЬ НА СИРИЮ, ВИДЕТЬ АФГАНИСТАН

Новая геостратегия России в Южной и
Центральной Евразии

Ситуационный анализ

Декабрь 2015

Центр стратегических и внешнеполитических исследований

Смотреть на Сирию, видеть Афганистан. Новая геостратегия России в Южной и Центральной Евразии

Ситуационный анализ

Авторы: Арсений Сивицкий, Юрий Царик

© Центр стратегических и внешнеполитических исследований, 2015 г.

© Арсений Сивицкий, Юрий Царик, 2015 г.

Минск 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Введение.....	4
Российская геостратегия и роль Сирии: терроризм ни при чём.....	6
Сирия для США – чемодан без ручки.....	7
Тегеран, Тель-Авив, Эр-Рияд, Анкара: Сирия в региональном соперничестве....	8
Иран – главный проигравший.....	10
Ближневосточная стратегия Москвы: «Исламское государство» и шиитско-суннитское противостояние.....	11
Тем временем в Центральной Азии.....	12
Выводы и рекомендации.....	14
Вместо послесловия: Су-24, Турция и размен в Сирии.....	15
О Центре.....	18

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный доклад был написан и отредактирован авторами 15 ноября 2015 года. Тем не менее, в силу технических причин он не мог быть опубликован в этот период.

С тех пор произошел целый ряд важных событий, которые существенно повлияли на развитие ситуации. Тем не менее, авторы приняли решение оставить текст без изменений, но дополнить его отдельной главкой, учитывающей наиболее важные тенденции второй половины ноября – начала декабря 2015 года. Такая структура доклада представляется нам оптимальной в качестве возможности проверить базовые допущения и ключевые гипотезы, изложенные в изначальной версии доклада.

Считаем важным отметить также, что настоящий доклад является логическим продолжением ранее изданного доклада – «Новая геостратегия России: последствия и вызовы для архитектуры международной безопасности».

Надеемся, издание настоящей работы будет способствовать открытому экспертному обсуждению современного международного положения.

ВВЕДЕНИЕ

Начало военной кампании российских Вооружённых Сил в Сирии стало вторым после украинского кризиса «сюрпризом» для Белого Дома и других центров принятия решений на Западе. Однако действия российской стороны являются вполне логичным и рациональным продолжением её геостратегии.

Начиная с середины лета, сразу после достижения исторического соглашения по иранской ядерной программе в Вене, Россия бросила все свои дипломатические и разведывательные усилия на подготовку и продвижение инициативы по созданию глобальной антитеррористической коалиции, которая была озвучена Владимиром Путиным во время 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в конце сентября и предполагала равноправное сотрудничество между Россией и США в борьбе против «Исламского государства».

Этой инициативой Кремль преследовал цель отвлечь внимание мирового сообщества от украинского кризиса, в частности – от срыва сроков выполнения минских соглашений и результатов расследования инцидента с малайзийским Боингом, сбитого под Донецком летом прошлого года.

После того как Кремлю не удалось обменять создание антитеррористической коалиции на паритетных началах с США и заморозку конфликта на востоке Украины на уступки со стороны Вашингтона по украинскому кризису, а именно – признание присоединения Крыма и снятие санкций с России, Москва провозгласила о начале собственной военно-

воздушной операции, создав параллельную антитеррористическую коалицию совместно с Сирией, Ираком и Ираном.

Западные наблюдатели называют действия Москвы непредсказуемыми, агрессивными, рискованными. Тем не менее, анализ показывает, что сирийская кампания не только является вполне ожидаемой составляющей вполне рациональной и прагматичной новой геостратегии России, но и совершенно точно не станет последней иностранной кампанией для Кремля.

Вовлекаясь в сирийский кризис, Москва ведет многоцелевую и многоуровневую игру, связанную с увеличением своего критического влияния на геополитические процессы не только в самой Сирии, но и на Ближнем Востоке в целом. Она не связана с безусловной поддержкой Башара Асада и войной с «Исламским государством» на тотальное уничтожение.

За последние несколько месяцев Россию посетили министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф, командующий бригадой Аль Кудс Корпуса стражей Исламской революции Касем Сулеймани, заместитель наследного принца Саудовской Аравии Мухаммад бин Салман, наследный принц эмирата Абу-Даби Мухаммад бин Заид, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху и президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган. Кремль также провел ряд переговоров с представителями вооруженных группировок и Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил, включая ее лидера Халеда аль-Ходжу, бывшего сирийского генерала Манафа Тласа, входившего до своего бегства из Сирии в ближайшее окружение Башара Асада, и даже опальных родственников Асада – дядю Рифата Асада и его сына Сивара.

Таким образом, Москва поддерживает контакты со всеми конфликтующими сторонами и силами как в самой Сирии, так и за ее пределами. Это свидетельствует о том, что российское руководство рассматривает различные варианты решения сирийской проблемы в зависимости от складывающейся региональной и глобальной конъюнктуры.

Сегодня уже очевидно, что Россия оказывает давление на Башара Асада с целью принудить его к началу переходного периода, проведению новых президентских выборов, запуску процесса конституционной реформы. Собственно говоря, с этой целью Башар Асад и был приглашен в Кремль. Москве удалось поставить его практически в полную зависимость от своей военно-политической поддержки на фоне пересмотра Ираном своей вовлеченности в сирийский конфликт. И таким образом, Башар Асад сегодня вынужден согласиться с тем планом сирийского урегулирования, который сейчас активно продвигается Москвой и ее европейскими и ближневосточными партнерами. Как только Москва наиболее выгодным образом обменяет свое влияние на Асада с целью принуждения его к уходу на экономические и военно-политические дивиденды от региональных игроков, Кремль начнет сокращать свою активность на сирийском направлении, чтобы переключить свои усилия на другие государства.

Несмотря на то, что с формальной точки зрения действия Москвы в Сирии являются легальными, их общая направленность и непосредственные

цели по-прежнему ставят современную архитектуру международной безопасности под угрозу уничтожения.

РОССИЙСКАЯ ГЕОСТРАТЕГИЯ И РОЛЬ СИРИИ: ТЕРРОРИЗМ НИ ПРИ ЧЁМ

Сирия является лакомым куском для российской геостратегии. Раздираемая войной страна, находящаяся на перекрёстке важных путей и интересов ключевых держав – это удобный инструмент для Москвы, преследующей на Ближнем Востоке собственные цели.

Каковы же эти цели?

Во-первых, содействовать дальнейшему наращиванию конфликтной динамики в регионе в надежде перевести эту динамику в формат большой региональной войны, которая обеспечит рост цен на энергоносители. Главным методом при этом является организация столкновения различных региональных игроков с целью разделения региона на два (или три) крупных противостоящих друг другу лагеря и поддержка при этом более слабого с целью недопущения решительной победы одного из них.

Во-вторых, отвлечь внимание западных государств от более важных шагов, которые предпринимает Москва в Центральной Азии (см. ниже).

В-третьих, максимально ослабить позиции в регионе США с тем, чтобы в итоге подорвать иранско-американское партнёрство либо же поставить США перед необходимостью выбирать между отношениями Вашингтона с Тегераном и Эр-Риядом.

В-четвертых, использовать свои «антитеррористические усилия» как основания для легитимации новой геостратегии Москвы и в частности – её действий в собственной «сфере влияния» (включая действия в отношении Украины).

В-пятых, застолбить за собой средиземноморское побережье Сирии, чтобы в последствие навязывать собственные условия и включаться в проекты освоения шельфовых нефтяных и газовых месторождений с участием государств и компаний Ближнего Востока и Европы.

Как видно, ни борьба с терроризмом, ни сохранение у власти режима Башара Асада не являются для России приоритетами. «Исламское государство», как минимум, не представляет для Москвы существенной угрозы ни на Ближнем Востоке, ни в Центральной Азии. Если же принять во внимание многочисленные сохранившиеся контакты российской стороны с баасистскими военными и чиновниками, составившими костяк военной и административной машины «Исламского государства», то отношения Москвы с «халифатом» следует признать весьма неоднозначными и едва ли враждебными. Ход российской военной кампании в Сирии убедительно показывает, что «Исламское государство» выигрывает от действий Вооружённых Сил РФ едва ли не больше всех в регионе, включая и режим Башара Асада. Более того, последние события наглядно показывают, что Москва намерена завершить

«смену режима» в Сирии – уже под видом миротворческих усилий и «добрых услуг» по нахождению компромисса между различными силами в стране. Вероятней всего, к власти в Дамаске при этом будут приведены именно те силы, которые в наибольшей степени связаны с «Исламским государством» общими бизнес- и политическими интересами. Именно по этой причине, например, российская Служба внешней разведки летом этого года организовала визит Али Мамлюка, директора Главного управления безопасности Сирии, в Саудовскую Аравию для переговоров с заместителем наследного принца, министром обороны по совместительству Мухаммедом бин Салманом и главой Службы общей разведки Халидом бин Али аль-Хумайданом. На этих переговорах речь шла об организации переходного периода в Сирии, уходе Башара Асада с политической сцены и его персональных гарантиях, а также разрыве стратегических отношений между Дамаском и Тегераном.

Примечательно, что ранее Али Мамлюк был замечен не только в установлении контактов с некоторыми умеренными и радикальными группировками сирийской оппозиции, но и в переговорах с эмиссарами «Исламского государства» по поводу совместных военных действий против общих врагов, прежде всего Сирийской свободной армии, а также о разделе продукции с подконтрольных «Исламскому государству» газовых и нефтяных месторождений за возможность использовать принадлежащую сирийскому правительству транспортно-логистическую инфраструктуру. Этот человек также известен своими резкими оценками в адрес растущего влияния Ирана на внутренние дела Сирии и в регионе в целом. В конце 2000-х годов он курировал контакты с сирийскими и иракскими джихадистами, осуществлявшими подрывную деятельность против американских войск и правительственных сил в Ираке.

СИРИЯ ДЛЯ США – ЧЕМОДАН БЕЗ РУЧКИ

Главными приоритетами на Ближнем Востоке для США были и остаются, во-первых, сохранение добрых отношений с традиционными союзниками (Израилем и Саудовской Аравией), во-вторых, развитие отношений с Ираном, в-третьих, израильско-палестинское урегулирование. На фоне роста мощи «Исламского государства» к этим приоритетам добавилась борьба с данной группировкой.

Сирийский кризис, как и ливийский, является порождением партийной политики внутри США. В 2010–2011 годах «команда противников» в администрации США – близкие к неоконсервативным кругам политики – в союзе с европейскими и турецкими неоконсервативными руководителями (прежде всего, во Франции и Италии) инициировали «смену режима» в Сирии и Ливии, преследуя собственные весьма специфические цели. Причём, эти цели,

насколько можно судить, были и остаются несовместимыми с целями, которые ставит перед собой в регионе администрация Барака Обамы.

Таким образом, нынешняя команда Государственного департамента и Министерства обороны США «унаследовала» сирийский и ливийский кризисы, не имея чёткой стратегии и внятных целей. Появление в регионе такой новой угрозы, как «Исламское государство», внесло некоторую ясность в складывающуюся ситуацию: по крайней мере, при сохранении всей неопределённости в отношении Сирии, Вашингтон точно нацелен на сдерживание и ликвидацию этой террористической группировки. Однако данная ясность является глубоко иллюзорной, поскольку многие аспекты деятельности «Исламского государства» оставались плохо изученными, а степень укоренённости этой группировки в иракских, сирийских, турецких и иных элитах, так же, как и её широкие международные контакты, до сих пор остаются предметом изучения.

Главной же проблемой для политики США в Сирии является то, что внятная цель Вашингтона в Сирии не была сформулирована исходно. Нынешняя формула «ликвидация «Исламского государства» плюс обеспечение перехода власти от Башара Асада к коалиционному правительству» в большей степени связана с ликвидацией негативных последствий прошлого развития событий. Кроме того, вопрос политического урегулирования в Сирии делает Вашингтон зависимым от действий третьих государств в этой стране. И эту довольно нелепую ситуацию очень хорошо представляют и используют в Москве.

ТЕГЕРАН, ТЕЛЬ-АВИВ, ЭР-РИЯД, АНКАРА: СИРИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ

Региональные державы имеют свои интересы и стратегии в отношении Сирии, взаимодействие которых определяет ключевые приоритеты в деятельности Москвы и ключевые угрозы для Вашингтона.

Турция, бывшая у истоков «смены режима» как в Сирии, так и в Ливии, во многом утратила интерес к определению политического будущего Дамаска. Её больше заботит сохранение собственных «активов» из числа радикальной исламистской оппозиции, недопущение усиления сирийских курдских военных частей в ходе борьбы против «Исламского государства» и сохранение «ИГ» как противовеса Ирану, а также источника теневых доходов для определённых политических сил.

Израиль рассматривает Сирию, во-первых, как важный рубеж собственной национальной безопасности, победа на котором противников Тель-Авива (прежде всего, Ирана) является стратегически неприемлемой. Во-вторых, в Израиле сирийский кризис во многом рассматривается так же, как в России, в качестве лишь одной части более широкой ситуации на Ближнем

Востоке. Главная цель Тель-Авива в этом более широком контексте также вписывается в стратегические приоритеты Москвы – недопущение нормализации и формирования стратегического партнёрства в отношениях между Ираном и США. Угроза со стороны «Исламского государства» при этом не является приоритетной. Более того, средне- и долгосрочное существование в регионе «ИГ» при условии одновременного поражения в Сирии иранских сил является приемлемой и даже благоприятной перспективой для Тель-Авива.

Факт наличия «горячей линии» между генеральными штабами Вооруженных сил России и Армии обороны Израиля свидетельствует об обмене разведывательной информацией и координации действий, направленных на недопущение вооруженных инцидентов между российскими и израильскими военными. Израиль вполне уверенно чувствует себя при проведении военно-воздушных операций против отрядов сирийских вооруженных сил, Корпуса стражей Исламской Революции и «Хезболлы» в южных районах Сирии, заручившись гарантиями невмешательства со стороны Москвы (одна из таких операций была проведена военно-воздушными силами Израиля 11 ноября и была направлена на уничтожение скопления военной техники и вооружений, предназначенной для подразделений КСИР и отрядов «Хезболлы», на базах в районе аэропорта недалеко от Дамаска).

Интересы Эр-Рияда в складывающейся ситуации остаются плохо акцентированными ввиду тех потрясений, которые постигли в последние месяцы королевский дом (смена монарха, сомнительная дееспособность нового монарха, дворцовые интриги и др.). Тем не менее, они инвариантно включают недопущение усиления региональной роли Ирана, победы режима Башара Асада в Сирии и уничтожения саудитских «активов», воюющих в этой стране. Учитывая сырьевую ориентированность экономики Королевства, его интересы в регионе в значительной мере совпадают с интересами Российской Федерации. При безусловном нежелании Эр-Рияда становиться стороной прямого военного конфликта с Ираном, военные стратеги Королевства отдадут себе полный отчёт в том, что пока что Саудовская Аравия, имея такого потенциального союзника, как Пакистан, и, как минимум, дружественный нейтралитет Израиля, обладает подавляющим военным преимуществом над Ираном. Также в Эр-Рияде понимают, что со временем данный расклад сил может измениться в пользу Тегерана. Поэтому Саудовская Аравия может стать как инициатором или участником военной конфронтации с Ираном, так и стороной, поддерживающей любые противовесы Ирану в регионе, включая «Исламское государство».

Россия при этом умело эксплуатирует антииранские фобии Саудовской Аравии, предлагая Эр-Рияду поставки наступательных вооружений (включая боевые корабли и оперативно-тактические ракетные комплексы «Искандер») на сумму 10 миллиардов долларов и строительство шестнадцати блоков АЭС на сумму 100 миллиардов долларов, что создает условия для обеспечения самодостаточности Королевства в плане вооружений и ядерного топливного цикла (что особенно важно в контексте возможности отказа страны от

безъядерного статуса). К тому же большинство лидеров оппозиции, с которыми Москва поддерживает активные контакты, больше тяготеют к сотрудничеству в пост-асадовский период с Саудовской Аравией, чем с Ираном.

ИРАН – ГЛАВНЫЙ ПРОИГРАВШИЙ

Исламская Республика Иран находится на пороге глубокого изменения своей региональной роли, обусловленной снятием международных санкций и резким ростом экономических возможностей государства и бизнес-элит. Эти грядущие события могут принести различные выгоды разным группам иранской элиты, что обуславливает повышенную неопределённость ситуации в Исламской Республике и соответствующую неопределённость её внешней политики.

Нормализация отношений с США невыгодна «ястребам» в руководстве страны с политической точки зрения, однако она обещает огромные финансовые выгоды от «разморозки» их активов. Военная конфронтация с Саудовской Аравией и Израилем отвечает интересам «ястребов». Более того, она, по их иллюзорному мнению, может стать основой дальнейшего сближения Ирана и России. Однако данный сценарий не обещает ничего хорошего стране в целом как в военном, так и в политическом и экономическом планах, а на добросовестную помощь Москвы в возможном конфликте Тегеран справедливо полагаться не может.

В этой связи Иран вынужден вести собственную игру, которая нацелена на максимизацию выигрышей и минимизацию издержек. Удержание или укрепление собственных позиций в Ливане и Сирии, расширение своего влияния в Ираке, сохранение йеменского «плацдарма» для давления на Саудовскую Аравию – вот ключевые приоритеты Тегерана.

В отличие от всех других региональных держав «Исламское государство» для Ирана является одной из главных угроз, причём, не только на Ближнем Востоке, но и на восточных рубежах – в Афганистане и Центральной Азии. Более того, Иран является единственным государством в регионе, которое одновременно заинтересовано и в ликвидации «ИГ», и в сохранении Башара Асада у власти, поскольку Тегеран не имеет альтернативных союзных ему политических фигур в Дамаске.

Интересы Ирана, как и США, по большинству пунктов противоположны интересам Российской Федерации в регионе. Однако, в отличие от США, Ирану действительно есть что терять в Сирии и в рамках противодействия «Исламскому государству». Именно поэтому российская антитеррористическая риторика, несмотря на сопровождение сомнительной практикой, произвела на Тегеран сильное впечатление. Хотя в итоге российское военное вмешательство в Сирии обернулось для Ирана целым рядом крупных поражений и снижением региональной роли. Ход событий показывает, что иранские должностные лица уже начали рассматривать потерю собственных позиций в Сирии и Ираке в

пользу России как реалистичную угрозу, о чем свидетельствуют расхождения между Тегераном и Москвой относительно вопроса сохранения Асада у власти.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ МОСКВЫ: «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» И ШИИТСКО- СУННИТСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В складывающейся ситуации Москва получила уникальную возможность сыграть на взаимных противоречиях ключевых игроков и не только продвинуть в нужном для Москвы направлении ситуацию непосредственно на Ближнем Востоке, но и создать необходимое замешательство среди стран Запада для реализации планов в другом, стратегически более важном для РФ регионе – Центральной Азии.

На Ближнем Востоке Москва продолжит совершать дипломатические, военные и разведывательные манёвры, нацеленные на структурирование региона вдоль удобных для российской стороны линий разделения. Формирование необходимой для российской стороны конфликтной динамики будет осуществляться с опорой на два ключевых фактора – суннитско-шиитское противостояние и сохранение «Исламского государства». Приоритет тому или иному фактору может придаваться в зависимости от развития ситуации. С данной точки зрения на повестке дня Москвы в регионе находятся два ключевых сценария.

Первый из них – основной сценарий – это прямое суннитско-шиитское столкновение в форме полномасштабной войны или иррегулярного конфликта высокой интенсивности между Ираном, Сирией, Ираком и хуситским Йеменом с одной стороны, Саудовской Аравией, Израилем, Катаром, ОАЭ, Турцией, «Исламским государством» с другой стороны. Очевидный дисбаланс сил в рамках такого противостояния, по мнению российской стороны, будет компенсирован вынужденной американской поддержкой Тегерана. При этом сама Москва не будет оказывать эффективной поддержки ни одной из сторон, а вместо этого будет умело использовать взаимные фобии Ирана и Саудовской Аравии, чтобы нагнетать военно-политическую напряженность, в том числе через поставки вооружений Тегерану и Эр-Рияду. Борьба с «Исламским государством» в рамках этого сценария будет использоваться Российской Федерацией для «выдавливания» Ирана из Сирии, что и послужит основанием для подрыва доверия между Тегераном и Вашингтоном (одна из ключевых целей Москвы).

Вторым сценарием является дальнейшее наращивание мощности «Исламского государства» и превращение его в системообразующий фактор региональной динамики на средне- и долгосрочную перспективу. Сюжет с разрушением антитеррористического сотрудничества в Сирии может быть воспроизведён в Ираке, руководство которого уже сегодня поставлено в

ситуацию жёсткого выбора партнёров между Россией и США. Разрушение американско-иракского военного партнёрства приведёт к коллапсу режима в Багдаде и резкому расширению сферы контроля «ИГ» в этой стране. Стремление Ирана укрепить в ответ на такое развитие событий свои позиции в шиитских регионах Ирака может стать важнейшим фактором эскалации региональной напряжённости и подрыва доверия между США и Ираном.

Очевидно, что после недавней серии террористических атак, предпринятых «Исламским государством» в Париже, Москва вновь реанимирует свою инициативу по созданию глобальной антитеррористической коалиции. И здесь под ударом может оказаться разведывательное сотрудничество между США и Европой, где после разоблачений Эдварда Сноудена растёт количество сторонников аналогичного сотрудничества с Россией в противовес США.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

На фоне неизбежного роста насилия на Ближнем Востоке, которое будет поглощать всё больше внимания и ресурсов США и их союзников, Российская Федерация осуществляет подготовку решительных действий в Центральной Азии. Именно здесь, по нашим оценкам, развернутся основные события в ближайшие 6–12 месяцев.

Суть действий Москвы состоит в том, чтобы организовать дестабилизацию региона с целью подрыва китайского влияния, провокации более активных действий Пекина и разрушения на этой основе взаимного доверия между США и Китаем. В рамках подготовки к реализации данного сценария российская сторона предприняла или предпринимает действия по следующим ключевым направлениям.

Во-первых, на протяжении 2015 года влияние Москвы было использовано для того, чтобы усилить давление властей на умеренно исламистские силы в странах Центральной Азии. Поддержка российскими спецслужбами таджикской оппозиции в лице убитого в марте 2015 года Умарали Кувватова, находящегося под следствием Мухиддина Кабири (лидера Партии исламского возрождения Таджикистана) и структур в мигрантской среде подтолкнули таджикское руководство к тому, чтобы начать репрессии против умеренных исламистов, фактически исключить таджикских мигрантов из политического процесса в стране, а также сделать ещё ряд серьёзных ошибок. Всё это ведёт к усилению радикальных исламистских сил в регионе и является важнейшей предпосылкой его дестабилизации.

Во-вторых, в 2015 году Москва явным образом сменила предпочтительных партнёров в Центральной и Южной Азии. В частности, ведущим фактором развития ситуации в регионе стал альянс России и Пакистана. Для Москвы Пакистан представляется ведущей военной силой в регионе Большой Центральной Азии и по этой причине – наиболее удобным

союзником. Данный ситуативный союз предполагает не только реализацию мер экономического сотрудничества (включая газотранспортные проекты), но и обширное военно-техническое и разведывательное сотрудничество. В частности, влияние Исламабада и его Межведомственной разведки может использоваться российской стороной для дестабилизации Таджикистана и Афганистана как основание для наращивания своего военного присутствия в регионе.

В-третьих, в рамках своей новой геостратегии в 2015 году Москва стала одним из важнейших заказчиков дестабилизации Афганистана. Данный процесс осуществляется через формирование ситуативного союза между отдельными ветвями «Талибана» и «Исламского государства» (при активном содействии Пакистана), а также через насыщение радикальных и террористических движений Афганистана и Центральной Азии новыми рекрутами, набираемыми в том числе из центральноазиатских мигрантов в России. Дестабилизация Афганистана необходима Москве и для формирования общей нестабильной среды в регионе, и для более целенаправленных действий в отношении Таджикистана и Туркменистана, значение которых трудно переоценить в контексте китайско-американских отношений.

В-четвертых, во второй половине 2015 года Москва резко усилила информационное сопровождение своей внешней политики в Центральной Азии. С одной стороны, на протяжении 2014 и 2015 годов важной информационной линией, отрабатываемой российскими экспертными и медиа-структурами стало преуменьшение террористической угрозы, которую представляет в регионе «Исламское государство». С другой стороны, в октябре–ноябре 2015 года Москва перешла к признанию серьёзности данной угрозы и обвинению США и их союзников в содействии её усилению. Иными словами, как и в случае с украинским кризисом, дестабилизирующие действия России прикрываются риторикой о якобы имеющих место дестабилизирующих действиях стран Запада. Выход этой информационной линии в публичное пространство, состоявшийся в ходе международной конференции по Афганистану в Москве в начале октября 2015 года, свидетельствует о переходе российской стороны к более активным действиям в регионе.

Таким образом, в то время, пока США пытаются выиграть во многом бесцельную войну в Сирии, стремясь противостоять «Исламскому государству», но не имея возможности покончить с гражданской войной внутри страны на приемлемых для себя условиях, Россия делает следующий шаг, инициируя широкомасштабную дестабилизацию Центральной Азии. Судя по имеющимся признакам, данный шаг придётся на 2016 год.

Параллельно сохраняется ситуация «взведённого курка» в Центральной Европе, где Москва продолжает оказывать мощное давление на Минск с целью принудить белорусское руководство разместить на своей территории российскую военную базу, а также сохраняет военную опцию решения украинского вопроса. Данный шаг должен позволить сорвать «минский

процесс» и может стать важной предпосылкой для новой эскалации напряжённости в регионе. На фоне распыления внимания и ресурсов США на отслеживание ситуации на Ближнем Востоке и Центральной Азией этот момент времени представляется оптимальным для эскалации напряженности в Украине и дестабилизации в Беларуси.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

С началом военной кампании Российской Федерации в Сирии кризис в этой стране получил новый импульс. Сформировавшийся сложный международный контекст на время привёл ключевых стейкхолдеров ситуации в замешательство и создал целый спектр новых рисков и возможностей, которые эти игроки быстро начали осознавать и учитывать в своём поведении.

Линия США на укрепление военного сотрудничества с Ираком и умеренной оппозицией в Сирии в деле борьбы против «Исламского государства», а также на прямое вовлечение Ирана в обсуждение будущего сирийской государственности (наряду с таким же прямым участием Саудовской Аравии), безусловно, будет способствовать реализации более конструктивного сценария в регионе. Тем не менее, сегодня остро необходимо более чёткое акцентирование целого ряда отдельных аспектов региональной ситуации для выработки более эффективных мер, нацеленных на сохранение современной системы международной безопасности в юго-западной, центральной и южной частях Евразии. К числу таких ключевых акцентов следует отнести следующие.

Прежде всего, сирийский кризис является не только «вещью в себе», но и элементом геостратегии России, главным приоритетом которой в ближайшие месяцы будет дестабилизация Центральной Азии. Кризис именно в этом регионе может создать прямую угрозу для Китайской Народной Республики и резко изменить calculus официального Пекина, ослабив позиции группы Си Цзиньпина и приведя на ведущие позиции сторонников «жёсткой линии». В то же время именно здесь Москва обладает обширным инструментарием влияния, а также имеет стратегический интерес: постсоветские республики Центральной Азии рассматриваются Кремлём в качестве неотъемлемой части собственной эксклюзивной сферы влияния. Именно поэтому российско-пакистанский альянс, дестабилизация северной части Афганистана и радикализация исламистской оппозиции под давлением репрессивной политики властей стран Центральной Азии должны рассматриваться как действительно важные аспекты стратегической ситуации в Евразии, несмотря на огромное внимание именно к Сирии и Ближнему Востоку.

С другой стороны, к числу подлинных целей России непосредственно на Ближнем Востоке не относятся ни победа над «Исламским государством», ни сохранение режима Башара Асада. Москва рассчитывает завершить «смену режима» в Дамаске, приведя к власти лицо, имеющее рабочие контакты с верхушкой «Исламского государства» и ориентирующееся на сотрудничество с

Саудовской Аравией, а также в любом случае – независимое от Тегерана. Данный манёвр необходим для того, чтобы глубже втянуть Ближний Восток в военное противостояние, что относится к числу стратегических приоритетов Кремля.

Насколько Вашингтон готов к новой эскалации напряжённости в Центральной Азии? Существует ли между США и Китаем достаточный уровень доверия, который позволит продолжить процесс интеграции Поднебесной в Транс-Тихоокеанское партнёрство, несмотря на возможную дестабилизацию Центральной Азии? Обладают ли все стейкхолдеры в регионе достаточной осведомлённостью и правильным пониманием целей и стратегий своих партнёров и противников, чтобы предотвратить реализацию худших сценариев и на Ближнем Востоке, и в Центральной Азии? Эти и другие вопросы, вытекающие из складывающейся ситуации, требуют интенсивного и максимально открытого обсуждения с тем, чтобы предотвратить разрушение и без того хрупкой архитектуры международной безопасности в Южной и Центральной Евразии.

Возможность для сотрудничества с Россией по антитеррористическому треку, как и по всем остальным направлениям, должна быть открыта. Однако мировое сообщество должно дать четко понять Москве, что любое такое сотрудничество возможно лишь после того, как она откажется от своих стремлений по созданию пояса нестабильности в Евразии и подтвердит на практике свои реальные усилия, направленные на укрепления мира и безопасности. Самый простой и быстрый способ это продемонстрировать – выполнить свою часть минских соглашений по Украине в ранее установленный срок до конца 2015 года, а не пытаться переносить их выполнение на следующий год и пытаться заморозить конфликт на востоке Украины на собственных условиях.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: СУ-24, ТУРЦИЯ И РАЗМЕН В СИРИИ

24 ноября 2015 года над территорией Сирии был сбит российский бомбардировщик Су-24, который до этого, по данным турецкой стороны и стран НАТО, нарушил воздушное пространство Турции. Последовавшие за этим события внесли некоторые новые аспекты в развитие ситуации, прежде всего, на Ближнем Востоке. Однако они же подтвердили и справедливость ключевых предположений, сделанных выше.

После теракта в Сан-Бернардино, США, американский президент Барак Обама обратился к нации, очертив основные направления борьбы с террористической угрозой. Эти направления включают два ключевых приоритета – борьба с «Исламским государством» и укрепление государственной безопасности, в том числе – путём введения определённых

ограничений на оборот стрелкового оружия. В рамках борьбы против «ИГ» и других террористов будут предприняты следующие меры:

продолжение военных ударов по «ИГ» и другим террористическим организациям;

оказание военной поддержки вооружённым силам Ирака и войскам, борющимся с «ИГ» в Сирии, в том числе – размещение американского спецназа на месте для проведения боевых операций;

укрепление международной коалиции в борьбе с «ИГ», в том числе – обмен развединформацией, усиление анти-ДАИШ пропаганды среди мусульманских общин и закрытие сирийско-турецкой границы;

обеспечение прекращения огня и политического решения конфликта в Сирии, в том числе – во взаимодействии с «такими странами, как Россия, с тем, чтобы позволить им сконцентрироваться на борьбе с Исламским государством».

Таким образом, США косвенно признали возможность компромисса по Сирии, который может заключаться в том, что, с одной стороны, Башар Асад или близкий к нему человек на переходный период останется у власти, а с другой стороны, значительная часть сирийской оппозиции будет признана и войдёт в коалиционное правительство, что позволит обеспечить единый фронт против «ИГ».

Достигнуть такого компромисса, однако, будет непросто. Следующий раунд переговоров по Сирии ожидается в январе 2016 года. 9–10 декабря оппозиционные группировки, входящие в Сирийскую национальную коалицию, провели переговоры в Саудовской Аравии и ожидаемо пришли к общему мнению о невозможности достижения политического соглашения при условии сохранения Башара Асада у власти.

На этом фоне интересное заявление сделала иранская сторона. Советник верховного лидера Ирана Али Акбар Велаяти заявил 6 декабря, что отстранение Башара Асада от власти является той «красной чертой» которую международное сообщество не должно перейти. Казалось бы, довольно нелогичное заявление в контексте наращивания российского военного присутствия в Сирии. Однако реальность состоит в том, что по мере усиления в Сирии позиций Москвы представители Тегерана свои позиции теряют. Иранские добровольцы потерпели целый ряд поражений в Сирии, в ходе одного из которых был ранен или погиб командующий спецподразделением «эль-Кудс» в составе КСИР Кассем Сулеймани.

Нельзя исключать такой вариант, что российская сторона в ходе переговоров намекнула на возможность своего отказа от безусловного требования сохранения Башара Асада у власти, например, в форме его отказа от участия в выборах или же в форме назначения в качестве главы государства в переходный период близкого к Асаду чиновника. Наиболее удобной кандидатурой на эту роль для России является уже упоминавшийся Али Мамлюк, директор Главного управления безопасности Сирии. Однако имеются и альтернативные кандидаты.

У Ирана в Дамаске нет устраивающих его фигур, альтернативных Башару Асаду. Именно этим можно объяснить обеспокоенность иранской стороны по поводу судьбы сирийского президента в условиях наращивания российского военного присутствия в стране.

После заявления иранской стороны 7 декабря прошёл телефонный разговор руководителей МИД Ирана и Москвы. В официальном сообщении отмечается, что переговоры были посвящены сверке позиций по списку террористических организаций в Сирии. Очевидно, данный вопрос станет одним из центральных при переговорах в Нью-Йорке и в том числе может быть превращён в предмет торга.

Схема действий российской стороны, таким образом, представляется следующей:

вести торг вокруг фигуры Башара Асада и списка организаций, которые войдут в коалиционное правительство;

в критический момент согласиться на уход Башара Асада и его замену на Али Мамлюка в обмен на исключение из коалиции организаций, не устраивающих Саудовскую Аравию;

обеспечить переход Сирии в сферу влияния Саудовской Аравии и создать повод для резких действий иранской стороны, которые приведут к срыву исторической ядерной сделки, достигнутой в июле 2015 года.

Параллельно в рамках этой же схемы действует турецкая сторона. Осуществляя наращивание собственного военного присутствия в Северном Ираке, Турция ставит под угрозу неоспоримое влияние на эту страну иранской стороны и также создаёт *casus belli* для Тегерана.

По этой причине эскалация напряжённости между Россией и Турцией представляется в большей степени фикцией, чем реальностью. Единственным её реальным следствием является содействие снижению дисциплины в рамках НАТО. Очевидно, европейские страны не готовы нести бремя того, что выглядит как более глубокая конфронтация с Российской Федерацией. Более того, в рамках борьбы с террористической угрозой, ставшей актуальной для Европы после терактов 13 ноября, Франция и Германия всё более склоняются к сотрудничеству с Россией, нежели чем с США. Это происходит на фоне укрепления позиций дружественных Москве правых сил в европейских странах (особенно – во Франции).

Таким образом, ход развития событий на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и в Восточной Европе всё в большей степени ставит под угрозу существование современной архитектуры международной безопасности, способствуя нарастанию предпосылок для «многополярной холодной войны».

О ЦЕНТРЕ

Центр стратегических и внешнеполитических исследований — это неправительственная некоммерческая независимая исследовательская организация («фабрика мысли»), целью которой является содействие расширению возможностей Республики Беларусь на международной арене путем анализа международных процессов, разработки программ и проектов.

Миссия Центра:

1. способствовать улучшению отношений Беларуси со странами-соседями и другими государствами мира, разъясняя интересы Беларуси, ее цели и действия на международной арене, формируя собственную внешнеполитическую повестку дня, а также содействовать в Беларуси пониманию политики различных иностранных государств;

2. являться примером организации, занимающейся проведением независимых исследований и дискуссий в Беларуси, развитием культуры стратегического мышления и планирования, популяризацией феномена «фабрики мысли», а также выступающей в роли субъекта неправительственной дипломатии;

3. формировать экспертно-аналитическое сообщество, предоставляя площадку для дискуссии по широкому спектру социально-политических мировых и региональных проблем в целом и Беларуси в частности.

Центр ведёт исследования по направлениям «международная безопасность», «евразийская интеграция и постсоветские исследования», «европейская интеграция», «соперничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе», «Новый Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», «инфраструктурное развитие», «промышленная политика», «медиаполитика».

Сайт Центра — www.csfps.by.

Авторы исследования:

Арсений Сивицкий, директор Центра стратегических и внешнеполитических исследований

Юрий Царик, председатель Наблюдательного совета Центра стратегических и внешнеполитических исследований